

Хотимская районная библиотечная сеть
Центральная библиотека
Отдел маркетинга

Александр Терехов:

земляк,

писатель,

журналист...

Литературные портреты
Владимир

Хотимск, 2013

Хотимская районная библиотечная сеть
Центральная библиотека
Отдел маркетинга

Литературные портреты

Александр Терехов:

земляк,

писатель,

журналист...

Хотимск, 2013г.

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

Александр Терехов : земляк, писатель, журналист [Текст] / Хотимская районная библиотечная сеть, Центральная районная библиотека, Отдел библиотечного маркетинга, [составитель О.Ф.Лутченкова ; ответственный за выпуск Р.А. Костолонова]. — Хотимск, 2013. — 29 с. — (Серия «Литературные портреты»).

Издание содержит биографические сведения о писателе-земляке А.И.Терехове, информацию о его творчестве, большое количество фотографий из личного архива его друзей.

Хотимская районная библиотечная сеть, 2013

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

*Часто, часто мне снится
Деревенька живая,
Серебристые росы лугов,
Толока в сенокосы
и напев пастухов.....
А.Терехов*

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ТЕРЕХОВ
(27.9.1951, д. Голубовка Хотимского района)

Член Союза писателей Беларуси, член Союза журналистов Беларуси, лауреат литературной премии имени Ивана Чигринова, специальный корреспондент областной газеты «Могилевские ведомости», автор книги «Святая память».

Возглавляет литературное объединение при областной газете «Могилевские ведомости».

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

На самой-самой восточной окраине нашей Беларуси приютилась маленькая деревенька Голубовка. Идя по тропинке, что осталась от деревенской улицы, трудно представить себе, что некогда здесь бегали, резвились дети, соревновались в пении петухи, по утрам на выгон уходило стадо коров, а вечером их встречали хозяйки разом с малышнёю. Но это было. Это помнит и об этом никогда не забывает родившийся здесь и выросший на этой земле Александр Терехов.

***

Отчего терзает
    сердце грусть,
Отчего слезою
    пробивает....
Я уже в былое
    не вернусь –
Никогда такого
    не бывает.
Не увижу утренний
    рассвет
Над моею деревенькой
    Голубовкой.
Там ее теперь
    уж больше нет.
Только ветер завывает
    волком.

Не увижу мамы
    светлых глаз,
Теплых рук её
    не поцелую.
Ох, как трудно
    мне без них сейчас
И безмерно я о том
    тоскую.
Отчего лежит
    на сердце грусть,
Отчего слезою
    прошибает.
Я в свою деревню
    не вернусь –
Вместо хат полынь там
    зацветает.

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

Терехов Александр Иванович родился в 1951 году в крестьянской семье на хотимщине. Учился в Ветковской школе. По словам учителей, да и сам Александр Иванович говорит тоже, что ничем особенным он не выделялся от своих сверстников, одноклассников. После школы А.Терехов заканчивает ГПТУ №36 строителей (1968г.) и едет по распределению в Казахстан, на стройку.

Было лето, когда он ехал под Караганду, в неизвестный ещё тогда город Темир-Тау. Стояла невыносимая жара, в вагоне – духотища. А за окном вагона с утра и до ночи противно однообразный пейзаж: степь, степь и степь, будто поезд катится по гладкой - гладкой раскаленной сковороде, края которой где-то далеко-далеко за горизонтом.

Уже тогда, в вагоне, ему стало ясно, что, на этой земле, он на долго не задержится. Чем больше и больше колеса отсчитывали километры от родины, тем больше

*А.Терехов у родительского дома
с односельчанами*

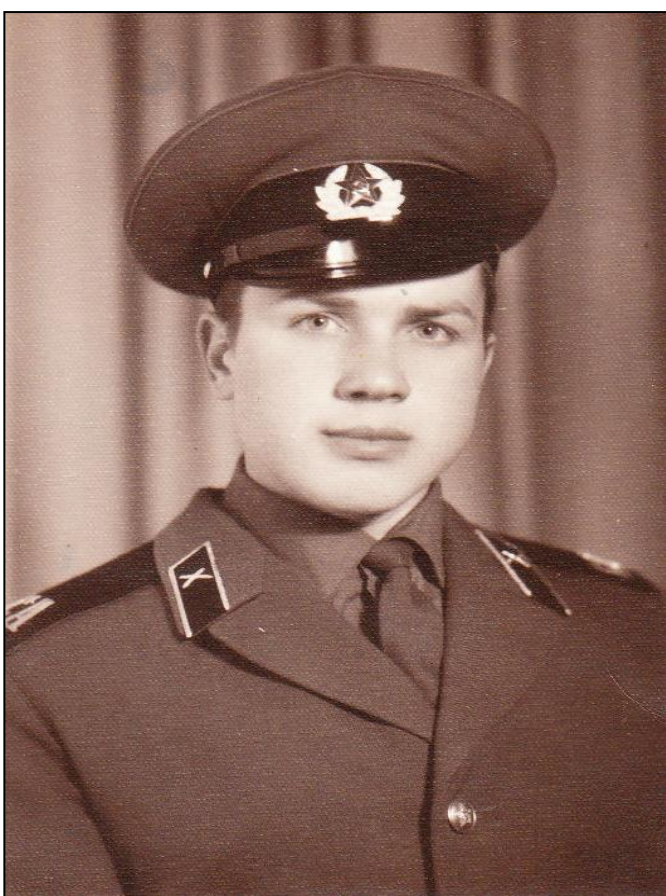
его брала тоска. Тем больше сжималось сердце по родимым березкам, лесам и лугам Беларуси. Об этом он и сейчас не скрывает в беседах, в газетных статьях и очерках, в своих рассказах.

А.Терехов с сестрой Люсей

*С братьями Владимиром
и Иваном*

Александр Терехов во время службы в армии (1970-1972) в ракетных войсках ПВО в местечке Колосово Минской области, в тридцати километрах от Столбцов.

С 1970г. по 1972г. служил в рядах Советской Армии.

Вот что рассказывает Александр о воинской службе: «Мне довелось служить водителем в ракетных войсках. Секретности моей службе добавляло неведение. До сих пор не знаю, какая аппаратура и приборы находились в металлическом фургоне вверенной мне машины.

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

К тому же командир части – подполковник Мушенко – когда-то воевал во Вьетнаме, поэтому держали нас в строгости и в увольнение никогда не отпускали. К тому времени отслужил я восемь месяцев. И тут пишет мне дама сердца, дескать, встречай, еду к тебе. Что делать? Я за советом к «дедушкам». А они: «Скажи, что сестра, а то не пустят... И передай ей, чтобы бутылочку вина с собой прихватила. За дельные армейские советы надо платить». Так и поступил. И вот моя ненаглядная появилась у КПП. Поздоровались мы для виду – и впрямь как родственники – да поехали в Столбцы. Кино, музей, кафе – в общем, хорошо отдохнули. Назавтра, к вечерней проверке, заспешил я в часть. Провожая девушку в Минск, в тамбуре электрички (дело молодое) зацеловались. Выпрыгнул из электрички уже на ходу, но вот незадача – дверь защемила ногу. Еле успел ухватиться. Только метров через пятьдесят машинист заметил, что защитник родины висит в дверях. Притормозил, открыл двери, и я спрыгнул на перрон, послал любимой воздушный поцелуй. Поворачиваюсь – офицер нашей части майор Володин! Пристально смотрит на меня и головой качает: ах, сестра значит...

Уже в части подняли моё личное дело, а сестре – то моей всего десять лет, а эта красавица уж больно развита для столь небольшого возраста. Посмеялись, но «старики», задобренные презентом, всё замяли. Да и я

объяснился с офицерами, мол, без любви в армии непросто. В общем, после этого случая к солдатам стали относиться лояльнее и отпускать в увольнение.

Александр Терехов третий слева

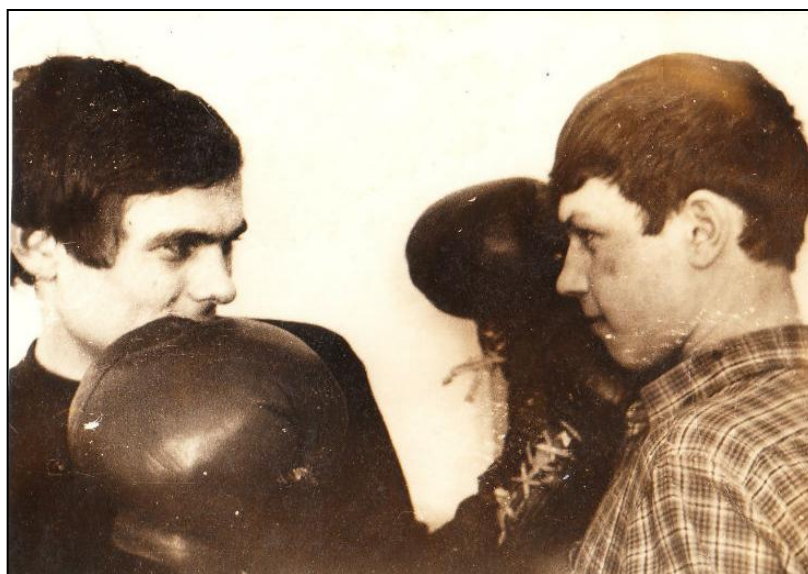

Армейские будни

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

После службы в армии он возвращается в Беларусь.
И уже навсегда. Окончил факультет журналистики
Белорусского государственного университета.

Во время учёбы

Александр с супругой Марией Кошкиной

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

Александр Иванович с семьёй

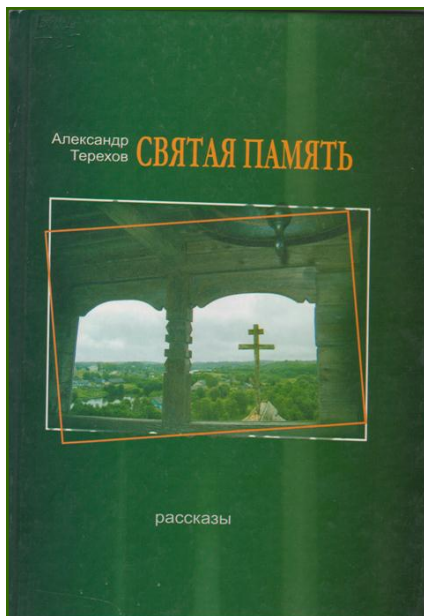
С 1981 года Александр Терехов находится на журналистской работе, является корреспондентом Могилёвской районной газеты, а с 1994 года – специальный корреспондент газеты «Магілёўскія ведамасці».

С рассказами выступает в периодической печати.

Публиковался в республиканском журнале «Нёман», коллективном сборнике литераторов Могилёвщины «Дняпроўскія хвалі» (1993г), «Прыдняпроўе – маё натхненне» (2009г). В 2005 году Александра Терехова приняли в члены Союза писателей Беларуси.

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

В 2007 году издал книгу художественной прозы «Святая память», за которую в 2008 году стал лауреатом литературной премии Могилёвского областного отделения Союза писателей Беларуси им. Ивана Чигринова.

В сборник «Святая память» вошли рассказы: «От чего умирают дятлы», «Святая память» (*Приложение 1*), «Смерть пронеслась мимо», «Старик», «Письмо из прошлого», «Без вины виноватый», «Ждёт старушка сына» (*Приложение 2*), «Разбитое сердце», «Проклятие», «Земляне», «Охота на мужчин», «Расплата».

Главными героями рассказов прозаика являются наши современники: сельские и городские жители. Автор не скрывает своего уважительного отношения к землякам. Их судьбы взяты с жизни; невзгоды, порой нелёгкие, они стойко и терпеливо перенесли и сохранили высокие моральные качества. Остросюжетные, наполненные дыханием невыдуманной жизни рассказы сразу захватывают внимание читателя, вызывают желание прочесть сборник страницу за страницей на одном дыхании.

В лице могилёвского прозаика Александра Терехова почитатели современного художественного

рассказа обрели постоянного автора, с которым всегда хочется встретиться вновь.

В марте 2009 года Александр Терехов посетил свою малую родину и присутствовал на праздновании 85-летия Батаевского сельского Совета.

А.И.Терехов - почётный гость праздника

В тот же день в Батаевской сельской библиотеке-музее состоялась авторская встреча с писателем-земляком и презентация книги «Святая память».

Презентация книги «Святая память» в Батаевской сельской библиотеке-музее

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

Александр Иванович Терехов активно участвует в

общественной
жизни. Он входит в
состав бюро
Могилёвского
отделения
общественного
объединения
«Белорусский фонд
мира», в правление

республиканского общественного объединения
«Белорусский славянский комитет».

Как член совета областного отделения Союза писателей Беларуси много делает для пропаганды белорусской литературы. Возглавляет литературное объединение при областной газете «Магілёўскія ведамасці», целенаправленно ведёт работу с молодыми литераторами областного литературного объединения.

Святая память

Всю ночь лил дождь. Северный, холодный ветер выл в печной трубе, слышно было, как бросал в черные оконные стекла вперемешку с дождем листья вербы, растущей под окнами.

Наступило утро. Антониха, так зовут ее в деревне по мужу Антону Ветрову, погибшему в войну, уже не спала. Лежала на твердой, начинающей остывать печи и вслушивалась в буйство ветра и дождя за стеной.

- Ну вот и осень, дожди пошли, - сказала сама себе хрипловатым после сна голосом. - Теперь одна забота - дрова порезать, поколоть да сложить под поветью. А там и зима не за горами. Неделю назад журавлей видела: летели над деревней низко, а это же первая примета...

Она привстала, сделала из стоящей на припечке кружки несколько глотков теплого горького чаборового отвара, которым лечила больное сердце, прилегла и неприметно уснула. И вновь, уже второй раз, как и этой ночью, начал ей сниться ее Антон.

Будто стоит он возле своей хаты у стола. На нем хромовые сапоги гармошкой, светлая из отбеленного полотна сорочка, подпоясанная узким ремешком. Рядом она, Ульяна, молодая, красивая такая, какой была еще до замужества, василькового цвета юбке и в белой вышитой крестиком кофточке. А на руках у нее -

маленькая дочь Соня. И вдруг Антон начал сыпать из мешка на стол рожь горкой. Вот он вешает на забор пустой мешок и поднимает второй, уже с просом. Горка растет, блестит, переливается на солнце зерно. А Антон, набрав его полные пригоршни, подкидывает вдруг вверх, красиво так, веером. А сам смеется-заливается: «Заживем мы с тобой, Ульянушка, заживем...».

Какое-то время она смотрела на желто-золотистую россыпь, которая падала ей на плечи, на русую головку Сони, а потом вдруг спохватилась: «Антон, что же ты делаешь? Хлеб же глумишь! У нас же дочь малая...».

Антон еще кричит ей радостно, не слушая ее, и все сыплет-сыплет зерно, а потом вдруг исчез.

«Антон, Антон, - звала она, оглядываясь вокруг. - Ну что же ты, дурненький... Иди домой. Соберу я зерно, провею, не бойся...».

Но Антон исчез: не слышать и его заливистого смеха. От этого вся в холодном поту Ульяна и проснулась.

Снились ей за послевоенную вдовью жизнь сны разные. Бывало, несколько раз и своего Антона видела, но все как-то неясно, расплывчато. И разговора он с ней никогда не вел: мелькнет только лицо - и все. А сегодня приснился таким, каким проводила его тогда летом на фронт: в белой сорочке и новых хромовых сапогах.

* * *

Думы... Думы... Всплыла присыпанная годами довоенная жизнь, которая только-только начала тогда меняться к лучшему. Они с Антоном в то время, за два года до войны, отошли от свекрови, на свой угол выбились. У одного из жителей соседней деревни купили амбарчик. Перевезли, сомшили его, прорезали окна. Там и Соня у них родилась. Оба в совхозе работали: он - конюхом, она - в поле. Платили хорошо - и жить стали намного богаче. Тогда вот Антону и хромовики справили...

Мысли старой Антонихи вдруг прервались. Услышала, как где-то за печью с потолка полилась вода. «Неужели крышу дождем пробило!» - заволновалась она.

Сунула ноги в литые резиновые сапоги, надела юбку и холодноватую, пожелтевшую от времени плюшевку. Когда вышла на середину хаты, почувствовала, как в нос ударил резкий запах сырой глины. Нащупав возле дверей выключатель, зажгла свет. От яркой лампочки зажмурилась. Освоившись, увидела на печной трубе, от самого потолка до загнета, коричневые подтеки. То же самое увидела и в углу, напротив печи, возле шкафчика, где стояло ведро с водой. Взяв тряпку, начала собирать воду, вытирать пол, ставить посуду под холодные капли. Затем перешла с миской в руке в

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

другой угол хаты, начала просматривать стену над окнами. Прямо над рамкой с надтреснутым стеклом, за которым было с десяток фотокарточек, заметила рыжее пятно. Перевела взгляд на карточки, поискала среди них старенькую выцветшую Антонову - и не нашла. Там, в верхнем правом уголке, увидела пожелтевший кусочек бумаги.

Еще не веря в то, что случилось, Антониха сняла рамку, трясущимися руками вытащила то, что осталось от фотокарточки, - уцелевший краешек, беззвучно, задыхаясь от горя, заплакала.

«Это же ты, Антоша, прощался сегодня со мной, - сказала сквозь слезы, вспоминая сон.

- Боже мой, Боже, а я же твое лицо и забывать стала, все как-то насмотреться хотела... А эта фотокарточка была одна... одна-единственная на белом свете... Все увеличить хотела, и вот...».

Она опустилась на лавку, долго сидела молча, как будто к чему-то прислушивалась, уставившись в одну точку - в небольшой сучок на чисто вымытом полу. Помужски широкие, знающие и косу, и плуг, и топор, с узловатыми, потрескавшимися пальцами, измазанные глиной руки лежали на коленях. Лицо казалось спокойным, только время от времени нервно вздрагивали сжатые губы, да глубже прорезалась сетка морщин.

Тяжело ступая, она выгнала в поле на зов пастуха корову. Вернувшись в хату, снова села на скамью возле стола, где лежал начинающий скручиваться в трубочку жесткий листок.

* * *

Из состояния полузабытья ее вывела соседка Марья - пришла одолжить соли.

- Что это ты так, Ульяночка, счернела? Неужели опять сердце схватило? - подошла и начала всматриваться в ее лицо Марья.

- И сердце жмет, и во... фотокартка у меня была, помнишь, Антонова. Так ночью, вот, сон снился. Он зерно из мехов сыпал. Казалось, к добру, а встала - хата потекла. Прямо над рамочкой и залило. Дай, думаю, посмотрю на него, а там..., - она махнула рукой, - ничего и не осталось...

- А бо, - ойкнула соседка. - Ну ты скажи.

Они долго сидели за столом над рамкой с фотографиями. Антониха все разглаживала листок рукой. Вспоминали.

* * *

...У Марьи, как и у Антонихи, муж, Семен Кудревец, тоже погиб на фронте. Вместе и провожали их. Только Марья после того, как пришла на Семена похоронка, замуж вышла за Петра Терещенко с Дубровки. А Антониха, хоть и сватался к ней после войны овдовелый Егор Шкроб, отказала, не пошла. Берегла

память о своем Антоне. Всего-то три годочка они и прожили, но душа в душу. Работящий был и всегда внимательный к ней, ласковый, особенно когда родилась дочь, казалось, налюбоваться не мог на свою малютку. Очень любили они друг друга.

- А я тебе, Ульяночка, вот что скажу, не стерплю, - поправляя на голове платок, начала Марья. - Зря ты тогда не вышла за Егора. Вот теперь и в хате ты одна. Соня, девка твоя, как птица, в свет улетела, в Молдавии сейчас живет, а свет тот переменялся, приехать в гости и то никак нельзя, а так бы меньших детей имела, кто-то из них осел бы здесь, внуков и правнуков нянчила. Вон мои сынки от Терещенко какие двухэтажные хоромы себе отгрохали, внуков нарожали. На «вопелях» разъезжают. А ты загубила свою жисть...

- Знаю, Марья, что недолюбливаешь ты меня. Только за что? Что я память об Антоне сохранила... - сквозь наплывающие слезы промолвила Антониха.

- Не любишь! - поднимаясь с табуретки, засокотала та. - Ты и Антона своего на фронт отправила в хромовиках, как генерала, а другие в лаптях шли. Ну и что с этого, что мой Семен без вести пропал, а твой в госпитале от ран умер: все равно не вернулся...

- Чем же ты меня, Марьичка, упрекаешь? Тем, что он как человек ушел? Господь с тобой, любая, на войну же шел, на святое... Я вот и жду его, может, в той бумаге ошибка а ты, видимо, при живом замуж вышла...
Марья выбежала из хаты, зло стукнув дверь.

* * *

...Опять на Антонию наплыли воспоминания. Хромовые сапоги, о которых говорила Марья, не хотел надевать Антон, как ни уговаривала, как ни совала в руки. Так и ушел, как и большинство мужиков, в лаптях. Только и сказал, ощупывая кожаные подошвы: «Ты за них, если тяжело будет, пудов пять хлеба выменяешь на базаре. Дочка же на твоих руках...».

Проводили их тогда до дороги, ведущей на Хотимск. Антон нес Соню. Ульяна - его узелок с едой, весь смоченный ее слезами. А на завтра рано утром, когда она окучивала на своем огороде картофель, прибежала та же Марья, без платка, с растрепанными волосами. Еще с улицы закричала: «Ульяна! Наши же мужики еще в Енополье! Сергей Параскин сказал, он только что вернулся из Енополя. Отвозил их туда на колесах. Бежим, может, еще успеем повидаться!».

Ульяна как стояла босая, заскочила только в хату, отрезала кусок сала, полбулки житного хлеба, положила в холщевый мешок несколько луковиц да сгребла хромовые сапоги, что висели на шестке возле комина, бросилась вслед за Марьей. Всю дорогу, а она не близкая, верст двадцать, бежали без передышки.

В Енополье им показали яблоневый сад. Здесь находилось сотни две «фронтоников» с Ботаевщины и других сельсоветов. Антон лежал вниз лицом, курил. Марья толкнула его в ногу.

- Антон, вставай, Ульяна пришла!

- Не придет она, не передавал я такую просьбу Параскину. А жалко, хотелось бы еще поговорить, увидеть напоследок...

- Почему же это я не приду? - не вытерпев, заголосила Ульяна. - Антонушка, мой любимый... родной мой... Я же тебе вот и обувку принесла...

* * *

Успокоилась она тогда нескоро. Антон из уважения к ее чувствам надел сапоги. А когда их стали ставить в колонну, немного задержался, постоял с Семеном на том месте, где сидели, глухо сказал: «Если погибнем, застелите этот курганок и помяните по-христиански...».

А потом долго махал ей рукой, пока не исчезла за поднятой пылью колонна. Таким и остался в памяти тот день навсегда - ее Антон в белой сорочке и хромовых сапогах.

...Забеливать потеки глины в хате в тот день Ульяна не стала, не было сил. Подтерла пол, замесила тесто и испекла пирог, такой, какой пекла в дни праздников при Антоне, с решеточкой. Надела новое в желтую полоску платье, белую кофту, причесала седые волосы, зажгла на столе в тарелочке свечку.

Сидела у стола Ульяна долго: плакала, усмехалась. Со стороны могло показаться - сошла с ума. А она вспоминала: мало, очень мало отпустила ей судьба дней семейного счастья. Но они были, был когда-то ее Антон, была любовь, которую навсегда отобрала проклятая война... 1999г.

Ждет старушка сына...

Отлежав в областном госпитале инвалидов войны почти месяц, Иван Серков выписывался в понедельник. В воскресенье он с трудом, но дозвонился до сына в Беседск, и тот обещал приехать за ним на собственном «Москвиче»: не гоже, мол, 78-летнему старику, не зная большого города, искать в нем вокзалы.

В понедельник утром Серков, сдав больничную одежду и одевшись в свое пальто, обув хромовые сапоги, часа два, нервничая, топтался в небольшом коридорчике отделения, где лежал, в ожидании выписки из истории болезни. Вскоре медсестра, извинившись за задержку, вынесла ему отпечатанный листок, и он, сложив его, сунул в авоську с пустыми банками, заспешил в вестибюль госпиталя: вдруг там уже сын ожидает. Сына не было. Не видно было его голубого легковика и на улице. Серков снова вернулся в помещение, где в прихваченном морозом окошке начал «отхукивать» небольшой смотровой квадратик. За этим занятием его и застали сотоварищи по палате, которые непременно обещали проводить после утренних процедур. Первым шел Соколов, подполковник, весельчак и балагур, воевавший в авиационном истребительном полку. Вторым шествовал Лядов - пехотинец, третьим - Леня Трахимчук, могилевчанин, былой связист, дотопавший

до Берлина и даже сумевший, по его рассказам, оставить свою роспись на рейхстаге.

- Ожидаешь, старый гвардеец?! - услышал он голос Трахимчука.

- Да, запаздывает транспорт по неизвестным причинам, - с улыбкой ответил Серков.

В вопросе Трахимчука ему вдруг вновь слышались знакомые нотки голоса взводного пулеметчика Василия Трахимчука, с которым его свела фронтовая судьба, и он, Серков, был у него более месяца вторым номером. Голос этот жил где-то в подсознании Серкова все послевоенные годы. Он бы его узнал из тысячи. По правде говоря, Серков эти знакомые нотки голоса своего пулеметчика слышал у Лени, когда они только познакомились в госпитале. Но не стыковалось место жительства. Леня-могилевчанин, а Василий родом из небольшой деревушки под Беседском. Отчества ни того, ни другого он не знал. Это обстоятельство и не давало ему задать Лене будоражащий вопрос. А вот теперь, на прощание (удастся ли еще когда свидеться - годы!), не удержался:

- Слухай-ка, Леонид, спросить все хочу, а Василий Трахимчук, здоровый такой хлопец, не сродственник тебе какой доводится случайно? Не слышал про такого?

- Василь? Брат младший у меня был. Очень здоровый, точно. В 17 лет на спор мешок зерна зубами с пола поднимал. Только погиб он. Без вести пропал...

- Как без вести. Я же у него вторым номером... Он у меня на руках умер...

- Когда, Ваня, это было... Мы же с матерью про него ничего толком и не знаем?.. - каким-то не своим, будто перехватило горло, охрипшим вдруг голосом спросил побледневший Трахимчук.

* * *

После освобождения от немцев Беседского района партизанский отряд, в котором полгода провоевал 18-летний Серков, почти полностью пошел на пополнение частей 2-го Белорусского фронта. Ивана зачислили на краткосрочные пулеметные курсы. Там он и встретился с Василием Трахимчуком. Вместе постигали азы устройства и стрельбы станкового пулемета «Максим» образца 1910 года. Сила Василя поражала многих. Он запросто брал на плечо 65-килограммовый пулемет вместе со станком, в правую руку коробку с патронами мог так шагать без усталости пару километров. Физическая сила и выносливость определили ему место за пулеметными гашетками. Через несколько недель учебы они уже были на передовой. Немцы, занявшие по реке Сож прочную оборону, довольно часто открывали ураганный огонь по русским окопным укреплениям. Спереди и сзади ухали разрывы снарядов немецкой артиллерии. Своим огнем отвечал им «Максим» Трахимчука, после чего он сразу же брал пулемет на плечо и менял место расположения в

траншее, дабы не засекли фрицы. Серков и двое других солдат, приданных станкачу, спешили с коробками патронов к нему. «Чему быть, того не миновать!» - была любимая поговорка Трахимчука.

Во времена затишья они, конечно же, предавались мечтам о послевоенном времени, которое вот-вот придет. Как будут жить, строить себе светлые дома, ездить друг к другу в гости. Для Серкова это все представлялось сладкой сказкой, желанной, но довольно хлипкой в таком страшном огненном круговороте войны...

Все непоправимое в жизни случается быстро. На участок обороны их полка немцы в тот день вдруг обрушили шквал артиллерийского огня. После пятиминутного затишья пошла в атаку пехота. Трахимчук, подняв со дна окопа пулемет на бруствер (берег от снарядных осколков), взглянул в лицо Серкова. «Густо идут, Иван! Ну чему быть, того не миновать. Если что, заедешь тогда к родственникам, расскажешь, как воевали...».

Бойцами полка было отбито уже три атаки. Десятки трупов в мышасто-зеленых шинелях, распластавшись неподвижно, лежали на белом снегу ничейной полосы. Но немцы перли снова. И подошли близко. Серков начал различать даже лица бегущих и что-то во все горло кричащих фашистов. В его голове жила только одна мысль: только бы не заело, не перекосило подаваемую

им в затвор ленту, не смолк пулемет. И это случилось. «Максим» вдруг замолчал. Поправив съехавшую на глаза каску, он увидел, как медленно, бороздя пальцами по стенке окопа, оседает в его сторону Трахимчук. Он подхватил его. Голова Василя резко откинулась, и в правой стороне лба он увидел небольшую ранку, из которой тонкой струйкой бежала кровь.

- Санитара! - закричал он. И в этот момент услышал, как что-то тяжелое чмокнуло на дно окопа сзади него. Обернулся - немецкая граната с длинной деревянной ручкой. Серков сделал шаг по направлению к ней, нагнулся, чтобы успеть выбросить до взрыва, и почувствовал, как взрывная волна туго ударила ему в грудь, впиваясь мелкими осколками в лицо и шею. Придя в себя через несколько минут, он, ничего не видя из-за песка, залепившего глаза, и не слыша от контузии, почувствовал, что его куда-то тащат. И тащат санитары. Об этом он догадался по резкому запаху йода.

* * *

В госпитале только через месяц к Серкову вернулся слух. А после лечения попал он уже в другую часть. В боях при освобождении Могилева подорвался на противопехотной mine. Идущих рядом в атаку двух товарищей убило, посеколо осколками. А ему повезло. Ватники, фуфайка, одетая под шинель, приняли почти все предназначенные на его долю осколки на себя. Всего лишь один оставил память на всю жизнь,

---

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

повредив в суставе левую руку. Домой он вернулся инвалидом II группы. Часто вспоминал о своем пулеметчике Трахимчуке. Порывался съездить в его деревушку к родственникам. Да только послевоенная жизнь оказалась не праздной, тяжелой, не такой, о которой мечтали в окопах. Вот и не случилось побывать. И не знал он все эти долгие годы, чем кончилась та немецкая атака. Выходит, немцы заняли тогда их окопы на передней линии огня. Убитый Трахимчук у них оказался, раз пришло извещение в деревню со словами «Пропал без вести».

* * *

От нахлынувших на Серкова воспоминаний его вывел голос Леонида Трахимчука:

- ...А я, Иван, всего лишь 10 лет как переехал в Могилев. Сын здесь живет. Вот и переманил. А мать там - в деревне под Беседском, где и до войны жила. Не хочет в город. 98 лет уже ей. Все ждет старуха Василя. Что ни говорил - не верит, что погиб. Раньше, помнишь, во многие семьи, получившие «похоронки» о пропавших без вести, мужики возвращались. Из плена, из госпиталей. Раненые, изуродованные, но живые. Вот и она на этом зациклилась. Ты побывай у нее...

- Я, Леня, обязательно постараюсь к ней заехать. Обязательно... - увидя в дверях заходившего в вестибюль госпиталя сына, взволнованно ответил Серков.

- Вот будем ехать, а это по пути..., по дороге это нам... Бывайте, хлопцы! 1998 г.

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...

Использованные источники:

Домашний архив сестры Александра Терехова Людмилы.

Дуктов, В. Дыхание жизни [Текст] / Владимир Дуктов // Святая память : Рассказы. – Могилев.обл.укруп.тип., 2007. – 128 с. – с. 3.

Павлюченко, В. Читатели остались довольны [Текст] / Владимир Павлюченко // Шлях Кастрычніка. – 2009. – 14 сак.

Пісьменніку А.Церахаву 60 год [Тэкст] // Магілёўскія ведамасці. – 2010. – 17 жн.

Терехов, А.И. Святая память : Рассказы / Александр Терехов. – Могилев.обл.укруп.тип., 2007. – 128 с.

**АЛЕКСАНДР ТЕРЕХОВ:
ЗЕМЛЯК, ПИСАТЕЛЬ, ЖУРНАЛИСТ...**

Составитель: О.Ф.Лутченкова

Ответственный за выпуск: Р.А.Костолонова

Хотимская районная библиотечная сеть
Центральная районная библиотека

213660 Могилёвская обл. г.п. Хотимск,
пл. Ленина,5

Александр Терехов: земляк, писатель, журналист...